

ОТНОШЕНИЯ ПРОИЗВОДНОСТИ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО СЛЕНГА)¹

SYNCHRONIC AND DIACHRONIC APPROACH TO DERIVATIONAL RELATIONS (WITH RESPECT TO MODERN RUSSIAN SLANG)

*Р.И. Розина (r.rozina@mtu-net.ru),
ИРЯ РАН, Москва*

Рассматриваются случаи расхождения между моделью семантической деривации сленга, отражающей отношение производности между литературным и сленговым значением в синхронии, и реальной историей сленговой лексемы. Делается вывод о необходимости отражения множественной мотивированности сленга в лексикографии.

Модели семантической деривации во многих случаях совпадают с реальной историей семантического развития слова, но могут и расходиться с ней, так как они представляют собой некоторый конструкт, правдоподобную модель связи производного и производящего значений. В то же время, вполне возможно, что эта модель соответствует некоторой психологической реальности, - тому, как носитель языка воспринимает связь между значениями в синхронии. Задача данной работы – показать, что и в случаях расхождения с реальной историей возникновения значения модели семантической деривации имеют право на существование и что в лексикографии существуют пути преодоления этого расхождения.

Проблема противоречия между моделями семантической деривации и историческими связями между значениями слова особенно актуальна для сленга. С одной стороны, примерно половина единиц сленга по своему происхождению – переносные значения слов, которые в ряде других своих значений принадлежат литературному языку, например:

накрутить ‘наматывать, обвивая вокруг чего-то’: *Накрутить канат на барабан* (МАС) и ‘увеличить первоначальное количество’: ...специалисты по избирательным кампаниям знают, что на одних "технологиях" можно "накрутить" максимум 15 процентов голосов (Александр Храмухин. Комплекс полноценности // "Отечественные записки", 2003);

облом ‘действие по знач. глагола *обломать* – *обломить* – *обламывать*’ (‘ломая, отделять концы, крайние части чего-л.’) (МАС) и ‘неудача, срыв планов’: Всюду сплошной *облом*: ветшает жилье, зимой размораживаются теплосистемы, в дома не поступает вода — всего этого мы навиделись на фоне нашей демократической действительности. [Виктор Попов. Обдемократились, блин! // "Калининградская правда", 2003.06.10];

С другой стороны, вряд ли существует еще одна область языка, в которой народная этимология возникала бы так же часто, как в сленге. Сленг возникает и исчезает на глазах у носителей языка; жизнь многих сленговых слов гораздо короче, чем жизнь создавшего их поколения людей, и живая память о том, как возникли эти слова, делает их более доступными для суждений как об их происхождении, так и об их статусе, чем слова литературного языка. Непонятность слова часто становится стимулом для поисков его мотивации. Проникшее в общий сленг из уголовного жаргона слово *чмо* ‘человек, заслуживающий презрения’ по своему происхождению - заимствование из идиша (ср. идиш *schmuk*, имеющее то же значение), но оно интерпретируется носителями языка, прошедшими армию, как аббревиатура ‘человек Московской области’.

Иногда по поводу одного и того же слова возникают различные, конкурирующие друг с другом объяснения его происхождения. Один из примеров – слово *совок* в значении ‘житель Советского Союза’. А. Градский приписывает создание этого слова себе. Он рассказывает, что выпивая с приятелями в детской песочнице из пластмассовых формочек за неимением стаканов, сказал «Вот ... Мы как *совки* употребляем» (сам он при этом пил из детского совка). Генис и Вайль в статье начала 90-х гг. утверждают, что слово *совок* было изобретено ими по аналогии с уже существовавшим словом *пылесос* для обозначения приезжих из Советского Союза, которые были готовы брать с собой любой хлам. По словам М.Эпштейна, это слово принадлежит ему - в 1988 г. он написал книгу о стране *Совь* (название было образовано по аналогии с *Русь*) и придумал названия для жителей этой страны – *совейцы*, *совки* и *совиццы*. Таким образом, у слова *совок* в рассматриваемом значении оказывается несколько мотивировок: оно представляет собой результат метонимического переноса, если верить Градскому, метафорического – по Генису и Вайлю, и является результатом суффиксального словообразования от усечения

¹ Работа написана в рамках проектов РГНФ (грант N 04-04-00160а и N 02-04-00294а).

слова *советский* по М. Эпштейну. По-видимому, все эти мотивировки имеют право на существование, так как они объясняют ту массу коннотаций, которая есть у слова *совок*, и все они должны быть отражены в словаре сленга.

Рассмотрим теперь несколько случаев расхождения между моделями семантической деривации сленга и историей слова.

Современное сленговое слово *фанера* 'фонограмма' воспринимается носителями языка как производное от литературного значения слова *фанера* 'тонкие листы древесины для облицовки столярных изделий'. В основе этой связи лежит семантический признак 'поддельность': *фанера* – ненастоящее дерево, непрочный, дешевый, легко деформирующийся материал; *петь под фанеру* плохо, потому что это – поддельное пение, ср.:

"В закон "О защите прав потребителей" надо внести поправку: "*фанера*", которая предлагается нам на концертах, - это тоже контрафактная продукция, и за это надо наказывать", - подчеркнула Слиска (Вслух. Журнал общественного влияния).

Установлению такой семантической связи способствует то, что и другие сленговые значения слова *фанера* мотивируются компонентом 'поддельность', например:

Фанера 6. Документы (обычно поддельные) (Елистратов 1994).

Фанера I. Деньги (обычно советские)² (Юганов, Юганова 1994).

Ср. также значение производного от *фанеры* прилагательного *фанерный* (Пренебр.) советский (о вещах). *Фанерные очки. Фанерное пальто* (Юганов, Юганова 1994).

С точки зрения семантической деривации при образовании сленгового значения слова *фанера* происходит изменение тематического класса имени по моделям 'материальное – нематериальное', 'простое – сложное', регулярно используемым при образовании сленговых значений, например *вертушка* 'диск телефона' – 'привилегированная правительственная телефонная связь', *железо* 'вещество' – 'компьютер', тачка 'легковая машина' и т.п.

Между тем на самом деле *фанера* в значении 'фонограмма' – результат усечения слова *фонограмма* до *фон-* с последующим оформлением просторечным суффиксом *-яр(а)* (Грамматика-80: 218): *фоняра* по образцу *водка – водяра*. Об этом свидетельствует написание *фоняра* в первых примерах употребления этого слова. Впоследствии сленговая лексема *фоняра* была переосмыслена как *фанера*.

Другой пример – сленговый глагол *вспрыснуть* 'отметить что-либо выпивкой', ср.:

(2) Всем огромное спасибо за поздравление. Отметим на природе. *Вспрыснем*, так сказать (Из переписки в Интернете. 2005).

Для современного носителя литературного языка это значение – метафора от малоупотребительного литературного глагола *вспрыснуть* 'обдать брызгами, окропить', ср.:

(3) И встал над рыцарем старик, И вспрыснул мертвую водою (Пушкин). Дихлофосом все вспрыснул. (М. Вишневецкая).

На самом деле сленговое значение *вспрыснуть* возникло в результате метонимического переноса. В значении 'отметить что-то выпивкой' глагол *вспрыснуть*, так же, как синонимичный ему глагол *обмыть*, существовал еще в 19 в. в армейском жаргоне. Было принято пить за здоровье получившего чин или орден. При этом саму награду (как это делается в армейской среде до сих пор) обрызгивали вином или клали в бокал с вином. ср.:

(4) Они уж *вспрыснули* победу испуленной водкою [А.А. Бестужев-Марлинский. Латник (1832)]; Ордена положили в простой стакан, обмыли шампанским, выпили за мужество молодых разведчиков и воинское братство (Российская газета).

Еще один интересный пример – сленговые значения слова *малина*. В современном сленге есть две несвязанных друг с другом лексемы *малина* – 'воровской притон' и 'сладкая жизнь'. Что касается первого значения, то оно никак не связано с литературным 'сладкая ягода'; В.В. Виноградов приводит примеры его употребления у Гиляровского в очерке «На Хитровке» «А вчера ночью обход был... Из деловых, как всегда никого, - в малине отсиделись»; «Дальше в коротких словах он рассказал, что к ним в малину под ночлежкой Бардадыма пришел один «фартовый» (там же). Есть предположение, что *малина* в этом значении – заимствование из идиша.

Другая лексема со значением 'сладкая жизнь' иногда интерпретируется как производная от основного значения слова *малина* ср., например Ушаков:

малина 1. ягодное кустарниковое растение из семейства розоцветных (бот.). 2. собир. Ягоды этого растения. 4. перен. Нечто приятное, весьма хорошее, прямо прелесть (простореч. фам). *У нас житье-малина. Не служба, а малина. У меня, брат, хорошо, разлили-малина* (Чехов).

Такая же трактовка в МАСе:

4. в знач. сказ. Прост. О чем-либо очень приятном. Мне житье теперь... мне житье! *Малина!* Умирать не надо (А.Островский. Горячее сердце).

Однако В.В. Виноградов указывает, что это значение происходит из карточного жаргона: в *малине* значит 'в выигрыше', ср.:

² Т. е. такие, на которые ничего нельзя купить, ненастоящие.

(5) Без этого предисловия исправник ни за что не вышел бы из-за стола, где находился *в малине*, а у всех еще было почти по сту ремизов (Чужбинский. Конокрад).

Сленговый глагол *ловить* ‘зарабатывать деньги’ современный носитель языка воспринимает как производное значение литературного глагола *ловить* ‘стараться подхватить, поймать то, что летит, брошено’ (МАС). В основе этой связи лежит не только тождественность формы глаголов, но и совпадение цели действий, которые они описывают: цель действия литературного *ловить*, как и других глаголов, описывающих действия с участием рук человека (например *взять, схватить, достать*), – сделать Объект своим, приобрести, ср. *ловить бабочку, схватить яблоко, взять конфету из коробки*; цель сленгового *ловить* – иметь деньги. Между тем, скорее всего, сленговый глагол образован от заимствованного в сленг из цыганского языка слова *лавэ* ‘деньги’. В пользу этого предположения свидетельствует отсутствие у этого глагола Объекта (хотя Объект сленговых глаголов часто инкорпорируется, в данном случае он выражен основой) и отсутствие у него, в отличие от литературных глаголов сходной семантики, парной лексики СВ, выражающей результат действия.

Крайне проблематично происхождение сленгового глагола *заливать* ‘врать’. Возможно, под влиянием фразеологизма *лить воду* ‘говорить долго, многословно и бессодержательно’ современный носитель языка воспринимает это значение как метафору, мотивированную одним из значений литературного глагола *залить* – *заливать* ‘наливая, заполнить чем-л., влить жидкость во что-либо’. С точки зрения семантической деривации при образовании этого значения изменяется тематический класс Объекта глагола – он переходит из класса ЖИДКОСТЬ в класс РЕЧЬ. Одновременно сам глагол переходит из класса физических в класс социальных действий. В то же время, не исключено, что сленговое значение связано с выражением *лить пули /лить (отливать) колокола* ‘сочинять и распускать вздорные вести’ (Даль), ‘лгать, неправду сказывать’ (Словарь академии российской). Как указывает В.В. Виноградов в «Истории слов», еще в 19-м в. существовал обычай при отливке колоколов пускать ложные слухи «чтобы гул пошел в народе». Существовало поверье, что чем шире пойдет слух, тем лучше удастся отливка. (Виноградов 1999: 269–274). Возможно, что существовала метонимическая связь ‘слух – гул в народе – гул колокола – колокол’. В таком случае сленговое значение *заливать* – результат не метафорического, а метонимического переноса.

Теперь на примере глагола *оторваться* и его синонимов я хочу показать, что в некоторых случаях расхождение между моделью семантической деривации и реальной историей слова оправдано.

В современном сленге есть три глагола – *оторваться, оттянуться и отвязаться*, имеющих значение ‘развлечься, получить удовольствие’, например:

(6) Ищешь, чем занять вечер, где *оторваться* с друзьями или куда пригласить девушку? [Путеводитель по молодежной культуре // "Твой курс" (приложение к "Аргументам и фактам"), 2004.11.10];

(7) Денис зарплату получил, решили *отвязаться* как следует, развеемся... [Роман Сенчин. *Афинские ночи* // "Знамя", №9, 2000];

(8) Стоит ли говорить, что гонорара за эту издевательскую фигну мы не получили, но *оттянулись*, как говорит моя дочь, славно. [Николай Климонтович. *Последняя газета (1997–1999)*]; Я был позапрошлым летом, так *оттянулись*!.. [Роман Сенчин. *Афинские ночи* // "Знамя", №9, 2000].

У каждого из этих глаголов своя история.

У глагола *оторваться* сленговое значение развилось, возможно, под влиянием производного существительного *оторва*, в первом значении ‘отмытая, оторванная часть, отделенная протоком, проемом, прорвой’, а во втором – ‘сорвиголова, сорванец и забияка, отчаянный нахал и буйан’ (*оторвежный* парень, отчаянный, отбившийся, сорви-голова’ (Даль). Сходная связь, но обратная направленная³ существует между глаголом *оттяпать* ‘отсечь, отрубить’ и вышедшим из употребления производным от него существительным *отябель* ‘бесстыжий, наглец, отчаянный, окаянный’ (Даль).

Глагол *оттянуться* пришел в общий сленг из тюремного жаргона, где был эвфемизмом, значившим ‘получить сексуальное удовольствие’. В общем сленге его специфическое тюремное значение было забыто, и он приобрел более широкое значение ‘развлечься, получить удовольствие’, которое может восприниматься как производное от литературного глагола *оттянуться* ‘отойти назад, отделиться’, ср.:

(9) - Передайте мичману, - кричу я пловцу сидящему впереди меня, - чтобы он *оттянулся* от меня и все время менял курс (Кукаркин); Еще на даче он *оттянулся* на дверях (Андреев).

Наиболее прозрачный из трех – глагол *отвязаться*. У этого глагола значение ‘получить удовольствие, развлечься’, образовано от основного значения ‘отвязавшись отделиться’ (МАС) на основе представления о животном о собаке), которое было какое-то время на привязи, а потом, отвязавшись, буйствует, вырвавшись на свободу. Благодаря существованию этого глагола акцентируется связь между идеей отделения и идеей развлечения и получения удовольствия и оказывается, что все три глагола, независимо от их индивидуальных историй, образуют свои производные значения по одной модели. Таким образом, модель семантической деривации акцентирует (а иногда даже конструирует) системные отношения между значениями, в то время как реальная история возникновения каждого из значений связана с конкретными, всякий раз индивидуальными обстоятельствами.

Другой случай расхождения между моделью семантической деривации и историей развития значения слова представлен глаголом *наехать* и производного от него существительного *наезд*. Современный носитель языка

³ Лексическое перекрещивание в терминологии, предложенной С.М. Толстой (устное сообщение).

воспринимает сленговое значение этого глагола 'совершить агрессивные действия по отношению к кому-нибудь, выступить с угрозами' как метафорический перенос, мотивированный литературным значением глагола *наехать* 'натолкнуться во время езды'.

Но исторически это не так. В одном из своих докладов А.А. Зализняк рассказал, что слова *наезд* и *наехать* встречаются в новгородских грамотах в значении, очень близком современному. Впоследствии он посоветовал мне обратиться к словарям древнерусского языка. Примеры использования слова *наезд* есть в Ипатьевской летописи, т.е. в 12 в.:

(10) Друзии полци стояху недвижими, стерегучи внезапного *наезда* отъ ляховъ (ИП. Летопись 6789) (Срезневский).

'Другие полки стояли неподвижно, остерегаясь внезапного *наезда* поляков'

Слово *наезд* часто употребляется в качестве одного из однородных членов в конструкции перечисления, в конструкции с однородными членами, включающей такие слова, как *грабеж*, *разбой* и *татьба*, т.е. воровство, ср.:

(11) А где учинится *разбой* или *наезд* или *татьба* ись твои отчины (Дог. Гр. Ив. Феод. Ряз. 1433 г.) (Срезневск.)

'А где случится разбой или наезд или воровство из твоей вотчины'

А кто на комъ поищет *наезда* или *грабежа* (Новг. Судн. гр., цит. по Срезневск)

'А кто кого обвинит в наезде или грабеже'

Тем самым становится понятно, что различались виды посягательства на чужую собственность: слово *наезд* обозначало нападение на коне, в то время, как грабеж, разбой или воровство предполагали, что нападавший был пешим.

В Ипатьевской летописи встречается также и глагол *наездити* 'наезжать', например:

(12) Вячслав же, Изяслав и Ростислав то видевшее, оже идуть от них прочь, ... и тако начаша *наезжати* в задъ полковъ, стрелятися с ними и почаша у них возы отнимати (Ипатьевская летопись, 1151)

В словаре Срезневского это значение глагола *наезжати* определяется как 'нападать

на кого-то верхом на коне, наезжать'. Естественно, что в новгородском диалекте слова *наезд* и *наезжати* были совершенно нейтральны.

На заре перестройки, когда рэкетеры приезжали на своих машинах к мелким лавочникам и угрозами заставляли их платить дань, эти значения слов *наезжать* и *наезд* возродились – с той только разницей, что вместо коня теперь использовался автомобиль:

(13) Все это время, что функционировал шкатулочный бизнес в Англии под прикрытием КСП, он ждал *наезда* рэкета. [Сергей Каледин. *Записки гробокопателя (1987–1999)*]

Впоследствии на основе этого значения возникло метонимическое – 'совершать агрессивные действия по отношению к другому человеку, угрожать', уже не включавшее идею перемещения на транспортном средстве.

В русском литературном языке нет больше слов, которые образовывали бы производные значения по модели 'перемещаясь на транспортном средстве, совершить действие – совершить данное действие', и именно этим объясняется сленговый характер рассматриваемых значений слов *наезд* и *наехать*.

Бликие сленговым значениям слова *наехать* и производным от него значения слов другого гнезда – *налетать*, *налет*, *налетчик* – возникли в результате переноса другого типа, метафорического: *налететь* значит 'напасть как коршун на цыплят'.

Другое близкое слову *наезд* в этом значении слово, *набег*, в современных текстах используется либо в своем прямом значении 'внезапное нападение, кратковременное вторжение и опустошение какой-либо территории', например:

(14) Всего два века прошло — а все то же: опять в Оренбурге озабочены *набегами* из степи и угоном скота... [Ирина Прусс. *Размышления у книжной полки: Ландшафт в пространстве и пространство без ландшафта // "Знание — сила", 2003.*

либо метафорически, например:

(15) Продолжается *набег* восточных кинематографий. [Андрей Плахов. *На экранах мира гладиаторы, драконы и тигры // "Аргументы и факты / Москва", 2001.01.03]*

Рассмотренные примеры позволяют предположить, что метонимические значения глаголов движения и производных от них существительных ненормативны, а метафорические принадлежат литературному языку.

Таким образом, для сленгового значения глагола *наехать* характерна двойная мотивированность, причем модель деривации, отражающая его мотивированность в синхронии, объясняет те ассоциации, которые возникают в связи с ним у современного носителя русского языка, а мотивированность в диахронии – его сленговый характер.

Представляется, что одна из возможностей преодоления этого противоречия между народной этимологией, моделью семантической деривации, часто отражающей народную этимологию, и реальной историей слова – создание словаря, сочетающего принципы синхронной и исторической лексикографии. В словарной статье такого словаря связи между значениями слова определяются моделью семантической деривации, «конструктом», указывающим те связи между значениями, которые регулярны и актуальны для носителя языка, а история семантического развития слова раскрывается в особой зоне.

Список литературы

1. *Виноградов В.В.* История слов. М.: Азъ, 1999.
2. *Грамматика 80.* Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М.: Русский язык, 2002 (воспроизведение издания 1955 г., которое было набрано и напечатано со второго издания (1880-1882 гг.).
4. *Елистратов В.С.* Словарь московского арго. Москва: Русские словари, 1994.
5. Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. 1-24. М., 1975-1999.
6. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I-III. СПб., 1893-1912.
7. *Юганов И., Юганова Ф.* Русский жаргон 60-90-х годов. М.: Помовский и партнеры, 1994.